

Татьяна Постникова Метафизика все-таки жива, или американская философия в европейском контексте

Мифология современности

Еще лет десять-пятнадцать назад обычной реакцией на словосочетание «американская философия» в российском сообществе был вопрос: «Шутишь?» Чуть позже оказалось, что она не только существует, но и активно развивается. Работы американских авторов в таких областях, как философия сознания, языка, искусственного интеллекта и связанные с ними исследования по «экспериментальной философии» хорошо известны благодаря многочисленным переводам на русский, опубликованным в последнее десятилетие.

Но мифов всегда предостаточно. Например, в европейской философии распространен миф о том, что метафизика умерла и ее существование логически невозможно: еще Кант усомнился в ее обоснованности, а развитие философии со времен Просвещения только усугубило этот факт. Уже Гегель пытался построить неметафизическую систему — «науку логики» (правда, это не мешает многим считать его систему метафизической). Следом за ним Фихте и Шеллинг делают серьезные шаги прочь от метафизики, обосновывая антропологический проект. После «*cogito ergo sum*» Декарта, «человеческого, слишком человеческого» Ницше и «мира как воли и представления» Шопенгауэра континентальная философия сосредоточилась на человеке, его сознании, чувствах, восприятии. В условиях развития рациональности и экспериментального знания философам надо было делать выбор: либо «метафизика», либо «трансцендентальный субъект». После обоснования Кантом рациональности у Хайдеггера не было иного пути чем ввести понятие *Dasein*, объясняющее способ бытования человека в мире. И после Хайдеггера вопрос о метафизике уже не поднимался, это стало считаться неприличным. Множественность онтологий Николая Гартмана и онтология кино Жюль Делеза, например, такой проблемы уже не вызывали. Метафизика стала символом «старого мира».

Один из основателей аналитической философии Бертран Рассел еще уживался с универсалиями и участвовал в обширной полемике

с Алексиусом Мейноном на тему абстрактных объектов. Но «лингвистический поворот», инициированный Людвигом Витгенштейном и призывающий к исследованию языка, но не мира, был синхронен с континентальным процессом. Когда Рудольф Карнап написал статью, в которой утверждалась бессмысленность большинства метафизических высказываний¹, она вполне отвечала духу времени.

Почему Кант, Гегель и другие философы так хотели избавиться от метафизики? Ко времени Просвещения она представляла наукой «обо всем». Метафизика срослась с космологией, ее предмет был неопределен и непонятен. Необходимость научного анализа набирала вес. Кант, как последователь Юма, синтезировавший эмпиризм и рационализм, не мог всерьез относиться к неточному знанию. Он считал, что метафизика должна быть синтетическим знанием, соединять априорные истины с доказательствами из мира опыта. Это и стало причиной пересмотра метафизики и началом ее заката.

Антропология против метафизики

Критика Кантом метафизики начинается с утверждения ее спекулятивного характера. Метафизика, с которой борется Кант, это познание посредством только понятий, без опоры на опыт. Он видит, что метафизика за все время ее существования не добила каких-либо ясных результатов, в сравнении с результатами математиков и естествоиспытателей. Кант предлагает строить метафизику по типу точного знания, опирающегося на опыт, ибо опора только на разум заставляет людей блуждать в темноте². Нужно аккуратно соотносить априорное знание, данное нам в понятиях, и эмпирическое,

Татьяна Постникова, к.ф.н., приглашенный исследователь Гарвардского университета, старший преподаватель факультета философии ГУ – ВШЭ.

¹ Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. М.: 1993, № 6.

² Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.

данное в ощущениях. Руководствуясь этой целью, Кант совершает в философии «коперниканский переворот», который заключается в своеобразном копировании гелиоцентрической системы: в центр кантовской системы поставлен человек, «трансцендентальный субъект». Сходством с идеями Коперника является утверждение активной роли человека³. Кант задается резонным вопросом: а должно ли наше сознание соотносываться с предметами? Может, это предметы нужно поставить в зависимость от познания? Впоследствии Мартин Хайдеггер сформулирует философский манифест XX века: «Философия в эпоху законченной метафизики есть антропология... Сделавшись антропологией, сама философия гибнет от метафизики»⁴. Он предлагает свой проект фундаментальной онтологии, который мало напоминает «старую онтологию», так как человек вписан в онтологическую систему, а понятие «бытие» заменяется термином *Dasein*, то есть «вот-бытие», присутствие (субъекта) в мире.

Что же более всего представлялось недостатком метафизики для философов? Кант, Хайдеггер и другие философы, ради экономии времени не упоминаемые здесь, недоумевали по поводу универсализма в метафизике. Начавшись как «первая философия» у Аристотеля, метафизика в конечном итоге стала всеобщим знанием о мире, стремясь объять все возможное⁵. С универсализмом и связаны обвинения в тотальности, предъявляемые метафизике.

Результат антропологического поворота, а также связанного с ним лингвистического, известен не в одной только в философии. Смещение мира относительно человека, запрет на рассуждения о предметности как таковой дали свет различным направлениям в философии и событиям в культуре. Постструктурализм как последствие 1968 года сделал агонию метафизики в европейской философии напоминающей телевизионное шоу в прайм-тайм. До сих пор отовсюду слышны призывы прикончить «гадину» окончательно, ибо как можно мыслить этот мир без человека, а философию — тотальным знанием? Тотальность выветрилась из философии раньше, чем появился Карл Поппер, критикующий Платона как зачинщика тоталитаризма — с разветвлением философии на дисциплины.

Но даже Европа оказалась не в состоянии убить метафизику: спасаясь, ей пришлось эмигрировать за границу. С середины шестидесятых в аналитической философии в США начался новый расцвет метафизики.

Король умер, да здравствует Король!

Вторая мировая война полностью обесценивает — и этически (Холокост, релятивизм), и онтологически — просвещенческую концепцию человека. Старый мир разрушен. Результатом стала потеря доверия к проекту Просвещения и понятию Разума в целом. Безумие и попытка вернуться к допредикативным основам виделись путем философствования во французском постструктурализме.

Аналитическая философия также пережила подлинный переворот. Отказ от метафизики, идущий от Витгенштейна и Карнапа, сменился новым витком интереса к ней. В США Уиллард ван Орман Куайн совершает путешествие во времени, к Бертрану Расселу. Правда, Рассел — реалист, признающий существование универсалий, а Куайн — номиналист, обращающий внимание только на вещи в реальности, но и на том спасибо — во времена, когда метафизика в опасности.

Поскольку американская философия, как и многое в этой стране, развивалась отдельно от европейской, то, преодолев прагматизм, американская метафизика обратилась к истокам — явно или неявно. Например, работы новых «реалистов» часто пестрят ссылками на Ансельма и онтологическое доказательство бытия Бога или на Платона с Аристотелем⁶. «Номиналисты», напротив, довольствуются упоминанием работ своих коллег, за пятьдесят лет оставивших довольно разветвленное наследие оригинальных концепций. Эта аналитическая (поскольку она давно распространилась на весь англоязычный мир) метафизика не напугала бы Канта, ибо не стремится разработать дедуктивное знание, т. е. всеведущую универсальную систему. Кстати говоря, поскольку номиналисты жестко привязывают истинное знание к языку (именам) и конкретным предметам в мире, они не признают существования свойств, сущностей, универсалий и т.д., чем упрощают себе работу, в сравнении с реалистами.

Через тридцать лет после критики Карнапа метафизика в США не ставит вопрос о бытии как оно есть и не стремится быть знанием

³ Жучков В.А. «Коперниканский переворот» и понятие культуры у Канта // История философии. Вып. 3. М.: ИФ РАН, 1998.

⁴ Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Он же. Бытие и время / Пер. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993.

⁵ Кузнецов В.Ю. Преодоление метафизики как проблема современной философии. Доклад на семинаре «Современная метафизика» (ГУ-ВШЭ, МГУ) 31 октября 2008 г.

⁶ Loux, Michael J. *Metaphysics: a contemporary introduction* / 3rd ed. New York: Routledge, 2006.

о первоначалах мира, как у Аристотеля. Метафизика аналитических философов – это анализ простейших элементов реальности. Это логично: поскольку европейская метафизика закончила свое существование на этапе сложных концептуальных систем (таких, как лейбницевская), вторая попытка началась с обратного хода – с простоты. Аналитические метафизики-номиналисты рассматривают конкретное в реальном мире, анализируют, что есть вещь, время, пространство. Например, предметом анализа может стать цвет – тогда философы анализируют конкретные примеры и предлагают аргументы в доказательство теорий.

Новая схоластика

В этом месте самое время вспомнить о третьей мифе об американской философии: что она не знает ни понятия «сущность», ни понятия «универсалии» и что в США невозможно говорить на классические метафизические темы об абстрактном. На самом деле, это почти правда, ибо процент номиналистов, не видящих в этих темах ничего интересного, зашкаливает в сравнении с реалистами. Однако это не мешает многим другим философам аналитической традиции размышлять об абстрактных объектах. Эти размышления опираются на работы Алексиуса Мейнонга и Готтлоба Фреге. Покажем на конкретном примере. Теренс Парсонс, философ из Калифорнии, проанализировал статус таких понятий как «золотая гора» или «круглый квадрат». Для номиналистов это бессмыслица. Для реалиста же (коим является Парсонс) – это несуществующие объекты, которые имеют свой особый статус. Парсонс критикует понимание существования просто как свойства. Вместо этого он предлагает разделять свойства: такие как «красный», «высокий», «является горой» – называть ядерными (nuclear), а такие как «существует», «мифический», «возможный» – внеядерными (extra-nuclear)⁷. Так он открывает возможность говорить о существовании и несуществовании средствами аналитической философии, а не просто отмахиваться от этого, указывая на бессмысленность поставленного вопроса, что привычно номиналистам. Последователь и ученик Парсонса Эдвард Залта продолжает обосновывать особый род «существования» несуществующих и абстрактных объектов, используя язык модальной логики, а также компьютерную программу (automated reasoning engine Prover9)⁸.

Вообще, модальности – очень распространенная тема в современной англо-американской философии, реабилитировавшей споры средневековых схоластов, давно забытые на европейском континенте. Развитие языка модальной логики открыло практически

неисчерпаемый мир возможностей – миров, претендующих на реальное существование. «Возможные миры» по-разному объясняются в номиналистском и реалистском модусах. ПоссIBILИзм Дэвида

Льюиса полагает существование пространственным на все возможные миры, причем эти миры могут отличаться друг от друга, то есть свойства некоторых предметов могут совпадать не полностью, а какие-то предметы могут в этих мирах отсутствовать⁹. Элвин Плантинга предлагает мыслить возможные миры в духе лейбницевского актуализма: реальным существованием он наделяет один мир (наш), в то время как другие – возможным. Более того, рассматривая предметы и их свойства, Плантинга полагает, что предметы в разных мирах должны совпадать по своим свойствам, если же свойства предмета в разных мирах различаются, значит, это разные предметы¹⁰.

К разочарованию Канта и Хайдеггера, тема универсальности все-таки сохраняется в аналитической философии. Многие философы, логики и математики озабочены проблемой универсалий – абстрактного существования свойств, объединяющих реальные предметы. Например, в реальности есть различные предметы красного цвета. То, что их объединяет – свойство «быть красным». Поскольку это свойство можно приписать всем подобным предметам, возникает вопрос: существует ли свойство «быть красным» независимо от красных предметов (в абстрактном смысле)?

Таким образом, метафизика в современной аналитической философии не ставит целью выявить универсальную структуру мира или объяснить существование Вселенной. Она предпочитает двигаться в направлении от простых элементов к сложным. Потому и создается впечатление, что аналитические философы сосредоточены на элементарном. Однако почему бы и нет, если эта философия позволяет говорить о метафизических проблемах и ставить вопросы о существовании абстрактного? Во многом, как уже говорилось, это попытка выработать аргументацию для решения проблем «старого мира» – «онтологического аргумента» Ансельма, «лучшего из возможных миров» Лейбница, идей Платона и т.д. И разве не стоит поддержать аналитических философов в их революционном метафизическом настрое? ■

7
Parsons, Terence. Referring to Nonexistent Objects / Theory and Decision. Vol. 11. 1, March, 1979.

8
Oppenheimer, Paul, Zalta, Edward. A Computationally-Discovered Simplification of the Ontological Argument // <http://mally.stanford.edu/Papers/ontological-computational.pdf>

9
Lewis, David. On the Plurality of Worlds. Oxford: Blackwell Publishing, 1986.

10
Plantinga, Alvin. The Nature of Necessity. Oxford: Clarendon Press, 1974.

Юлия Кульгавчук Учебный процесс: проектная форма работы в университете

Преобладание тех или иных методов в высшем образовании во многом определяется состоянием научной и общественной дискуссии о сущности и задачах образования. Каков баланс между овладением определенным объемом знаний и набором навыков и развитием способности к обучению как таковой? Между фундаментальным и практическим знанием? Между развитием естественных склонностей и подготовкой к будущей профессиональной жизни?

Эти вопросы возникают и в том случае, когда речь заходит о проектной форме работы в образовательных учреждениях. Генеалогия проектной педагогики принята вести от идей Дьюи и Килпатрика; ее связывают также с конструктивистскими педагогическими идеями, основывающимися на теории Пиаже. Указанные авторы занимались в основном проблемами школьного образования, однако их аргументация актуальна в том числе и для высшего образования, а возможности применения метода проектов отнюдь не ограничиваются школой.

Не углубляясь в рассуждения о сущности и задачах образования и о теоретических основаниях метода проектов, я расскажу о том, как его применение выглядит на практике в западных университетах и что это означает для восприятия учебного процесса и для представления о ценностях образования.

Проектная работа является одной из отличительных черт организации обучения во многих европейских университетах. Учебный проект представляет собой чаще всего групповую работу над теоретически или практически значимой проблемой. Срок работы может варьироваться, ведь проектная форма работы может использоваться как параллельно классическим учебным курсам, когда крупный проект напоминает курсовую работу, так и в качестве одного из их методических элементов, когда небольшой проект является одним из заданий по курсу. Метод применяется на всех направлениях обучения – в технических специальностях, естественных, гуманитарных, социальных науках.

Стоит, прежде всего, рассказать о том, какого рода задачу

призван решать проект. Ориентация на задачу является одним из главных методических принципов проектной работы и противопоставляется характерной для обычных учебных курсов ориентации на конкретную дисциплину: решение может требовать знаний из нескольких областей. И конечно, выполнение практического задания в академической среде предполагает, что нужно не только получить значимые результаты, то есть решить задачу или приблизиться к ее решению, но и привлечь для обоснования решения соответствующий теоретический материал. Проектная работа, таким образом, требует совмещения теоретической и практической работы, когда теория помогает сформулировать обоснованное решение, а практика показывает, какими теоретическими знаниями нужно овладеть для успешного завершения проекта.

Например, задача проекта – разработать план пиар-кампании для спортивного турнира. Выяснив, что в данном профессиональном сообществе централизованные каналы информации развиты слабо, а сведения передаются в основном через социальную сеть, можно изучать, как такие сети функционируют, как распределяются роли и функции. А собрав материал о конкретном сообществе, можно определить, какие узлы являются ключевыми и как к ним подступиться. При этом нужно выяснить, какого рода исследование необходимо провести перед разработкой кампании, выбрать определенные методы и обосновать свой выбор.

Проект о спорте как инструменте интеграции детей из этнических меньшинств может быть представлен как case study с использованием материалов конкретной некоммерческой организации, а также внешних оценок эффективности ее деятельности. С одной стороны, нужно выяснить, что представляет собой успешная интеграция, как она происходит на индивидуальном и групповом уровне, в чем состоит специфика спорта (какие социальные и пси-

Юлия Кульгавчук,
магистрант факультета
философии ГУ–ВШЭ.